

А. П. КАЖДАН

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНОГРАФИИ X в.

2. ИСТОЧНИКИ ЛЬВА ДИАКОНА И СКИЛИЦЫ
ДЛЯ ИСТОРИИ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ X СТОЛЕТИЯ *

События третьей четверти X столетия описаны преимущественно в двух исторических сочинениях: в «Хронике» Иоанна Скилицы и в «Истории» Льва Диакона. Остальные византийские хронисты, затрагивающие историю этого периода, почти ничего не прибавляют к сведениям наших двух авторов.

Иоанн Скилица, как он сам говорит в предисловии к «Хронике», был современником известного византийского писателя и политического деятеля Михаила Пселла (около 1018—1096/7) и, следовательно, жил в середине и второй половине XI в. Возможно, что именно ему принадлежало составленное в 1092 г. юридическое сочинение, адресованное Алексею I Комнину. Изучение хроники Скилицы затруднено тем обстоятельством, что ее греческий текст, несмотря на наличие большого числа рукописей, до сих пор еще не издан и она известна и доступна исследователю лишь в старинном переводе Габия, сделанном по одной (ватиканской) рукописи¹; эта рукопись к тому же, как выяснилось в дальнейшем, не является наилучшей.

Правда, эта трудность до некоторой степени может быть преодолена благодаря тому, что византийский хронист Георгий Кедрин, живший на рубеже XI—XII столетий, в соответствующих частях своего исторического сочинения полностью переписывает Скилицу, поэтому принято пользоваться Кедриним вместо Скилицы².

Рукописи Скилицы были обследованы рядом ученых (Л. Мабиллисом, П. В. Безобразовым, Ф. И. Успенским, К. де Боором, Б. Прокичем, Д. Моравчиком)³; на основании их работ можно выделить следующие важнейшие рукописи.

1. Охридская № 79, которую Ф. И. Успенский склонен был датировать самым концом XI в., т. е. временем, почти совпадавшим с периодом жизни самого Скилицы. Впрочем, более осторожно было бы отнести охрид

* См. ВВ, т. XIX, 1961.

¹ G a b i u s. Skylitzae Historiarum compendium. Venetiis, 1570.

² G e o r g i u s C e d r e n u s Ioannis Skylitzae ope. Bonnae, 1838—1839. В этом издании отмечены некоторые разночтения между Скилицей и Кедриним.

³ L. M a b i l l i s. Zwei Wiener Handschriften des Johannes Skylitzae. Breslau, 1890; П. Б е з о б р а з о в. Рецензия на книгу Л. Мабиллиса. ЖМНП, 1891, ноябрь; Ф. И. У с п е н с к и й. Охридская рукопись куропалата Иоанна Скилицы. ИРАЙК, т. 4, 1899, вып. 2; C. de B o o r. Zu Johannes Skylitzae. BZ, Bd. 13, 1904; i d e m. Weiteres zur Chronik des Skylitzae. BZ, Bd. 14, 1905; B. P r o k i ć. Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzae. München, 1906; Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica. Berlin, 1958, Bd. I, S. 337.

скую рукопись к несколько более позднему времени — к началу XII в. К. де Боор, обследовавший ряд рукописей Скилицы, не знал о существовании охридской рукописи. В настоящее время рукопись утеряна.

2. Венская № 35, которую К. де Боор отнес к первой половине XII в., а более осторожный П. В. Безобразов — к концу XII в.⁴

3. Коаленевская № 136 (XII в.), на основании которой изданы предисловие, разночтения и продолжение хроники Скилицы в боннском издании Георгия Кедрина.

4. Мадридская № 2 (XIII в.), украшенная миниатюрами и содержащая ряд вставок, представляющих собою стихотворения, посвященные Льву VI, Константину VII, Феофану, Никифору II Фоке и другим⁵.

5. Венецианская (Marc. Cl. VII, col. 12), которую П. В. Безобразов отнес к времени около 1283 г.⁶

6. Венская № 74 (XIII—XIV вв.), с многочисленными пропусками, а также содержащая вставки, принадлежащие епископу Михаилу (Девольскому?)⁷.

7. Неаполитанская III. В. 24 (XIV в.).

8. Ватиканская № 161 (XIV в.), по которой сделан перевод Габия.

9. Миланская (Ambros. 912, XIV в.).

Кроме того, известен ряд рукописей XIV—XVII вв., большинство из которых представляют собой лишь копии какой-либо из указанных выше рукописей. Так, например, существует не менее семи рукописей, зависящих от мадридской⁸.

Хроника Скилицы — это продолжение хроники Феофана, начинающееся с того места, где останавливается Феофан, — с 811 г. Вопрос о том, каким хронологическим моментом завершилась хроника Скилицы, решается не так просто.

Уже давно было высказано предположение, что хроника Скилицы существовала в двух редакциях: одна из них, более краткая, заканчивалась провозглашением Исаака I Комнина императором (1057 г.), вторая же доводила повествование до воцарения Никифора III Вотаниата

⁴ П. В. Безобразов. Указ. соч., стр. 234; C. de Boor. Zu Johannes Skylitzes, S. 356.

⁵ C. de Boor. Weiteres zur Chronik..., S. 411. Полный текст трех стихотворений, посвященных Льву VI, издан (правда, по поздним рукописям) П. В. Безобразовым (указ. соч., стр. 233 сл.). Об иллюстрациях к этой рукописи см. Н. П. Кондаков. Греческие изображения первых русских князей. «Сборник в память св. равноапостольного князя Владимира», вып. I. Пг., 1917, стр. 10 сл.; N. Mavrodinou. Le dessin byzantin d'après les miniatures de la chronique de Skylitzès «Sixième congrès international d'études byzantines. Résumés». Paris, 1940, p. 224 (к сожалению, это лишь краткое резюме).

⁶ П. В. Безобразов. Указ. соч., стр. 232.

⁷ Б. Прокпѣ. Јован Скилица као извор за историју Македонске словенске државе. «Глас Срп. Акад.», 84, 1910. Други разред № 50, стр. 76 нсл. Ср. Гу. М о г а в с с и к. Op. cit., Bd. I, S. 426 f.

⁸ C. de Boor. Weiteres zur Chronik..., S. 420. См. также V. Laurent. «L'histoire byzantine» de Georges Pachymère. Byz., vol. 6, 1931, p. 357. Помимо полного текста, сохранились фрагменты из хроники Скилицы, с которыми мы имели возможность познакомиться благодаря любезности проф. М. Ришара по микрофильму туринской рукописи [Turin. Bibl. nat. 203 (B. V. 13) XV—XVI вв., лл. 556 об.—576]. В туринской рукописи эти фрагменты примыкают непосредственно к хронике Феодора Скутариота (см. Georgii Asropolitaе Opera, res. A. Heisenberg. Lipsiae, vol. I, 1903, p. 302. 14 = Турин. рукоп., л. 556 об.) и предваряются небольшим введением, озаглавленным Περὶ τοῦ ἔθους τῶν Τοῦρῶν. Далее следуют четыре отрывка из Скилицы (с некоторыми сокращениями и соединительными связками): о турках, печенеггах, о нападении испанских арабов на Крит и о грузинах. О туринской рукописи см. также С. Г. Каухчишвили. Туринская компиляция (на груз. яз.). «Изв. Тбилис. ун-та», т. 4, 1924, стр. 351 сл. Ни один из этих отрывков, содержащих подчас интересные разночтения, не относится к избранному нами периоду.

(1078 г.) или даже Алексея I Комнина (1081 г.). Рукописи распространенной редакции давно уже были известны; так, коаленивская и охридская рукописи доходили до правления Никифора Вотианиата; в надписании венской рукописи № 35 указывалось, что она доведена до воцарения Алексея Комнина. Что же касается рукописей краткой редакции, то они не были известны вплоть до самого конца XIX в. Однако и тогда уже высказывались два соображения в пользу существования краткой редакции хроники Скилицы:

1) хроника Кедрина, рабски следующая за Скилицей, доходит до 1057 г.;

2) византийский писатель Феодор Газа в сочинении «О происхождении турок» отметил, что Скилица (Σκυλιτζῆς) рассказывал о событиях от Никифора I до воцарения Исаака Комнина⁹.

Предположение о существовании краткой редакции хроники Скилицы отверг К. Крумбахер, утверждавший, что Кедрин довел свою хронику только до 1507 г. не потому, что на этом годе обрывалась рукопись Скилицы, но по своей собственной воле: ведь если бы он хотел продолжать далее, в его распоряжении были другие источники, например сочинение Атталиата. Далее, по мнению К. Крумбахера, Феодор Газа спутал хроники Кедрина и Скилицы, приняв хронику Кедрина за хронику Скилицы¹⁰.

Однако дальнейшие исследования выяснили несостоятельность точки зрения К. Крумбахера. К. де Боор показал, что неаполитанская рукопись Скилицы действительно доходит лишь до воцарения Исаака Комнина¹¹; детальное изучение венской рукописи привело его к выводу, что имя «Алексей» в надписании этой рукописи вписано на месте стертых «Исаак»; значит, и этот текст первоначально доходил лишь до воцарения Исаака Комнина¹². Таким образом, первоначально Иоанн Скилица написал хронику, охватывающую период от 811 до 1057 г.¹³ В дальнейшем один из читателей (переписчиков) Скилицы сделал на полях своего экземпляра ряд интересных пометок; эти пометки сохранились в венской рукописи № 35. В них мы нередко находим критические замечания в адрес Скилицы. Так, Скилица пишет, что будущему императору Константину VIII в момент вступления на престол Иоанна Цимисхия было пять лет. К этому месту анонимный читатель делает следующую пометку: «Как же ты говоришь, что Константину было пять лет, если по твоим словам [Никифор] Фока правил 6 лет и 4 месяца, да и [как могло ему быть пять лет] в XIII индикт, когда ты сам писал, что он родился в четвертом?»¹⁴.

Анонимный читатель не ограничивается только внутренней критикой текста Скилицы, а отмечает и его расхождения с другими историками;

⁹ PG, t. 161, col. 997. C.

¹⁰ K. K r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 365. См. русский перевод: В. Н. Бенешевич. Очерки по истории Византии, вып. III. СПб., 1913, стр. 109.

¹¹ C. de B o o r. Weiteres zur Chronik..., S. 410.

¹² C. de B o o r. Zu Johannes Skylitzes, S. 357.

¹³ Ср. Gy. M o r a v c s i k. Op. cit., Bd. I, S. 336. К сожалению, в работах советских историков предпочтение обычно отдается гипотезе К. Крумбахера (см. А. Д. Люблинская. Источниковедение средних веков. Л., 1955, стр. 272). Это относится даже к специальной работе П. О. Карышковского («Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе». ВВ, VI, 1953, стр. 42), несмотря на то, что в ней мы находим ссылки на труды К. де Боора. Ср. также: П. О. Карышковский. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава. КСИС, вып. 9. 1952, стр. 53 сл.

¹⁴ C. de B o o r. Zu Johannes Skylitzes, S. 360 f.

так, Скилица указывает, что Василий II был коронован в декабре — анонимный читатель исправляет эту дату, ссылаясь на известие Феодора Севастийского — автора, сочинение которого не дошло до нас¹⁵.

По мнению К. де Боора, этот экземпляр с пометками был использован Михаилом Атталиатом; затем «История» Атталиата в свою очередь послужила источником «Продолжателю Скилицы», который присоединил к краткой редакции хроники описание событий 1057—1079 гг.¹⁶ Впрочем, эта часть хроники в данной связи нас не интересует.

Переходим к рассмотрению вопроса об источниках хроники Скилицы в тех частях ее, которые относятся к 945—976 гг. Для разрешения этого вопроса на первый взгляд первостепенное значение должно иметь предисловие к хронике Скилицы, где автор останавливается на характеристике сочинений своих предшественников.

В предисловии Скилица отзывается с похвалой о хрониках Георгия (Монаха или Амартола) и Феофана, которые, по его мнению, представляют собой образцовые сочинения беспристрастных историков, рисующих большие исторические полотна. После них, продолжает Скилица, никто уже не создавал подобных трудов, хотя отдельные писатели и пытались это сделать, как, например, Сикелиот или современник Скилицы ипат философ Пселл и кое-кто еще¹⁷. Но попытки их не были удачны: некоторые составляли только перечень императоров и ограничивались заметками о том, кто после кого вступал на престол; иные же останавливали свое внимание на частных проблемах: один сочинял похвалу императору, другой возводил хулу на патриарха, третий прославлял друга, и под видом исторического сочинения каждый преследовал собственную цель¹⁸.

Скилица называет имена этих историков. Среди них — Никита Пафлагон, известный писатель и ересиарх конца IX — начала X в., составитель «хулы на патриарха» Фотия; Лев Азиат, в котором обычно видят Льва Диакона, автора сочинения, посвященного истории императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия¹⁹; Иосиф Генесий, тождество которого с автором «Книги царей» вызывает некоторые сомнения²⁰. Многие из названных Скилицей историков известны нам лишь по именам; таков Мануил, посвятивший историческое сочинение в восьми книгах Иоанну Куркуасу, византийскому полководцу середины X в., — его, видимо, подразумевает Скилица, когда говорит о «прославлении друга». Очень мало известно нам и о Феодоре Севастийском, современнике Василия II: три отрывка, сохранившиеся от его сочинения, затрагивают правление Василия II, прославление которого, видимо, и был посвящен его труд²¹. Еще меньше мы знаем о других историках, названных Скилицей.

¹⁵ *Ibid.*, S. 361 и особенно A. 1.

¹⁶ C. de Boor. *Weiteres zur Chronik...*, S. 462 ff. В отличие от К. де Боора Б. Прокич («*Жован Скилица...*», стр. 67) считал, что автором «Продолжения» был сам Скилица. Доказать это невозможно (Прокичу удалось показать лишь, что автором «Продолжения» был современник событий); самое же наличие двух частей хроники и Б. Прокич не ставит под сомнение.

¹⁷ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 3. 1—4.

¹⁸ Там же, стр. 3. 6—8 и 16—19.

¹⁹ K. K u m b a c h e r. *Op. cit.*, S. 266. Серьезные возражения против этого отождествления высказывает М. Я. Сюзюмов («Об источниках Льва Диакона и Скилицы». *ВО*, т. 2, 1916, вып. 1, стр. 112, прим. 3).

²⁰ Ф. Штейнман. Вопрос о личности автора «Истории царей» Генесия. *ВВ*, XXI, 1914, стр. 16 сл.

²¹ C. de Boor. *Zu Johannes Skylitzes*, S. 361, A. 1.

Итак, Скилице был, несомненно, известен ряд византийских историков, сочинения которых в значительной части утеряны. Но использовал ли Скилица сочинения этих историков — вот существенный вопрос, на который предисловие к хронике не дает ответа. Во всяком случае, можно утверждать что Скилица *не* использовал направленного против Фотия «Жития патриарха Игнатия» Никиты Пафлагона; нет в его хронике и следов использования сочинения Мануила о Куркуасе; деятельность патриархов Фотия и Игнатия и деятельность Иоанна Куркуаса изложены Скилицей в точном соответствии с хроникой Продолжателя Феофана, которая была его основным источником для времени от 811 до 945 г. То же самое относится и к более поздним историкам: то немногое, что мы знаем о Феодоре Севастийском, свидетельствует о наличии известных расхождений между ним и Скилицей²².

Таким образом, нет оснований предполагать, что названные Скилицей историки были действительно использованы им при составлении хроники. К тому же из самого предисловия видно, что Скилица говорит о них с осуждением, подчеркивая их тенденциозность²³.

Мы уже говорили, что первая часть хроники Скилицы представляет собой переработку хроники Продолжателя Феофана (ее первых трех частей); возможно, что в некоторых главах Скилица использовал Генесия. Незначительные вставки в этот текст иной раз — плод фантазии Скилицы (например, судьба Амория после взятия его арабами²⁴), иногда сомнительны (рассказ об учителе Льва Математика Михаиле Пселле Старшем²⁵) и лишь в немногих случаях более достоверны, нежели соответствующие известия Продолжателя Феофана. Таков в первую очередь рассказ Скилицы об убийстве Василием Македонянином императора Михаила III, выгодно отличающийся от тенденциозного описания событий в хронике Продолжателя Феофана²⁶.

Если история правления Василия I и Льва VI изложена Скилицей в соответствии с хроникой Продолжателя Феофана, то уже в повествовании об Александре, малолетстве Константина VII и Романа I Лакапине мы обнаруживаем значительные дополнения, свидетельствующие об использовании Скилицей, помимо этой хроники, еще и другого источника. Эти дополнения относятся по преимуществу к истории болгаро-византийской войны и содержат иные версии сражений при Ахелое и Ката-сиртах²⁷.

Начиная с падения Романа Лакапина, Скилица перестает пользоваться хроникой Продолжателя Феофана; возможно, что условно приписываемое Дафнопату сочинение²⁸ не входило первоначально в состав этой хроники. Эта вторая часть хроники Скилицы, охватывающая 945—976 гг., и является в настоящей статье предметом исследования. Последняя часть хроники Скилицы не имеет точек соприкосновения с «Историей» Льва Дякона и выходит за пределы избранной нами темы.

²² Предположение М. В. Левченко («Очерки по истории русско-византийских отношений». М., 1956, стр. 278), следующего за В. Г. Васильевским, будто Скилица использовал труд Феодора Севастийского, ни на чем не основано.

²³ Традиционное представление о том, что в предисловии Скилица приводит «имена использованных им писателей», повторено и в работе П. О. Карышковского («Балканские войны...», стр. 44).

²⁴ F. H i r s c h. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876, S. 369.

²⁵ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийский ученый Лев Математик. ВВ, II, 1949, стр. 130.

²⁶ F. H i r s c h. Op. cit., S. 370.

²⁷ Ibid., S. 372.

²⁸ См. об этом: А. П. К а ж д а н. Из истории византийской хронографии X в. ВВ, XIX, 1961, стр. 91 сл.

Этот период (945—976) освещен также и в поздних хрониках, которые, однако, не прибавляют в соответствующих частях почти ничего существенного в сравнении со Скилицей, ибо их авторы для описания событий 811—1057 гг. опираются именно на хронику Скилицы.

Это в первую очередь относится, как мы уже знаем, к хронике Георгия Кедрина, составленной на рубеже XI—XII вв. и охватывающей период от сотворения мира до 1057 г. Эта хроника — почти механическая копия некоторых сохранившихся до нашего времени источников. Для ранней части хроники Кедрина основным источником была хроника Псевдо-Симеона, а не хроники Георгия Амартола и Феофана, как в свое время утверждал Ф. Гирш²⁹. Последняя же часть хроники Кедрина (811—1057) есть не что иное, как пересказ Скилицы. При этом можно заметить, что текст хроники Кедрина несколько больше отклоняется от хроники Продолжателя Феофана, чем текст Скилицы: те места, в которых Скилица более подробен, нежели Кедрин, имеются и у Продолжателя Феофана; добавления к тексту Скилицы, которые мы обнаруживаем у Кедрина, отсутствуют и у Продолжателя Феофана. Впрочем, К. де Боор отметил, что расхождения между и з д а н н ы м текстом Кедрина и рукописями Скилицы объясняются несовершенством той фуггеровской рукописи, по которой был издан Кедрин: лучшие рукописи не содержат этих расхождений³⁰. Итак, хроника Кедрина не сообщает какого-либо нового материала, отличного от данных Скилицы, и имеет значение лишь для текстологической критики византийских хроник.

Хроника Иоанна Зонары, видного сановника XII в., сохранившаяся в огромном числе рукописей (их известно свыше сорока), начинается с сотворения мира; в соответствующих частях она представляет собой сокращенную переработку хроники Скилицы³¹. Отдельные вставки редко имеют серьезное значение. Из таких вставок следует отметить в первую очередь полемическое замечание о происхождении императора Василия I: Зонара полемизирует с официальной в X в. версией о происхождении Василия от Арсакидов и подчеркивает, что император был сыном низших родителей (IV, р. 17, 21).

Другая вставка содержится в той части хроники Зонары, которая посвящена правлению императора Романа Лакапина. Зонара, опуская рассказ Скилицы о восстании под руководством Василия Медной руки, вставляет на его место подробное повествование о низложении малограмотного патриарха Трифона, которого обманом заставили подписать отречение³². Вслед за тем Зонара вступает в прямую полемику со своим основным источником. Продолжатель Феофана и следующие за ним хронисты рассказывают, что в 941 г. русский князь Игорь совершил набег на Византию, приведя к Босфору флот, состоявший из 10 тыс. кораблей³³. В отличие от них Зонара пишет: «Флот состоял не из 10 тысяч кораблей, как говорят (ὡς λέγουσι), но количество кораблей достигало 15 тысяч» (IV, р. 63.6—8). Весьма вероятно, что для времени Романа Лакапина

²⁹ F. Hirsch. Op. cit., S. 376. См. K. Praechter. Quellenkritische Studien zu Kedrenos (Cod. Paris. 1712). SBAW, phil.-hist. Kl., II, 1897; K. Schweinburg. Die ursprüngliche Form der Kedrenchronik. BZ, Bd. 30, 1929—1930, S. 76; Gy. Moravcsik. Op. cit., Bd. I, S. 273 f.

³⁰ C. de Boor. Weiteres zur Chronik..., S. 431, 434.

³¹ Joannis Zonarae Epitome historiarum, ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1868—1875. См. о нем: П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 59 сл.; Gy. Moravcsik. Op. cit., Bd. I, S. 344 f.

³² См. об этом: А. П. Каждан. «Великое восстание» Василия Медной руки. ВВ., IV, 1951, стр. 75.

³³ Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 423.16.

Зонара пользовался каким-то источником, передавшим известия, отличные от рассказа хроники Скилицы. Кто был этим автором и каковы были его политические убеждения, на основании кратких фрагментов установить, разумеется, невозможно.

Для целей нашего исследования чрезвычайно существенным представляется наличие в повествовании Зонары ряда вставок о правлении Никифора Фоки³⁴, к анализу которых мы еще возвратимся в свое время. Однако в целом и этот период освещен на основании хроники Скилицы, которую Зонара местами сокращает, выбрасывая то, что уже не может заинтересовать современных ему читателей.

В значительно большей степени, нежели Зонара, являются простыми компиляторами другие, более поздние хронисты: Михаил Глика, Константин Манасси, Иоиль и Ефрем. Они компилируют известные нам источники — Скилицу и Зонару, а немногочисленные вставки в их сочинениях не имеют существенного значения³⁵.

Таким образом, сочинения поздних хронистов ничего не прибавляют к повествованию Скилицы, за исключением одного только Зонары, который, хотя и опирается в основном на текст Скилицы, все же привлекает какие-то иные источники для истории Василия I, Романа Лакапина и Никифора Фоки.

Переходим теперь к анализу самого текста Скилицы. Как показал М. Я. Сюзюмов³⁶, Скилица использовал два источника, различающиеся между собой преимущественно своим отношением к Никифору Фоке: один (источник А, как называет его М. Я. Сюзюмов) передавал враждебную этому императору традицию, другой (источник В) — благожелательную.

Основную часть хроники Скилицы (за 945—976 гг.) характеризует неблагоприятное отношение к Никифору Фоке, ко всему роду Фок и поддерживавшему этот род императору Константину VII. В хронике Скилицы мы находим очень резкую характеристику Константина VII как вялого правителя, пристрастного к вину, беспощадно каравшего за малейшие преступления (II, р. 325. 19—23). Единственная добродетель Константина, которую признает Скилица, — его образованность и занятия науками (II, р. 326. 8—13). Особенно резко порицает Скилица Константина за то, что он не подбирал высших сановников *по знатности* (ὄψις χριστινότης), но первому попавшемуся (τῶ παρατυχόντι) вручал высшие военные и гражданские должности (II, р. 325. 23—326. 3). Любопытное дополнение к этому месту мы находим у Зонары, который говорит, что Константин VII продавал должности (IV, р. 67. 25).

Такая критическая характеристика Константина VII нуждается в объяснении. Мы могли бы ожидать критического отношения к Константину со стороны тех кругов, интересы которых выражал в свое время Роман Лакапин, — со стороны высшего константинопольского чиновничества. Но Скилица в части, посвященной Константину VII, передает традицию, враждебную Роману Лакапину, что проявляется прежде всего в отрицательной характеристике патриарха Феофилакта, сына и ставленника Романа I (II, р. 332. 10 sq.).

Далее, неожиданным оказывается утверждение Скилицы о том, что Константин VII был якобы враждебен интересам знати; это утверждение противоречит не только той характеристике, которую дает Константину

³⁴ G. Wartenberg. Leo Diaconus und die Chronisten. BZ, Bd. 6, 1897, S. 301.

³⁵ См. о них: П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 62 сл.; Gy. Moravcsik. Op. cit., Bd. I, S. 430 f., 353 f., 348 f., 256 f.

³⁶ М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы, стр. 107 сл. Ср. П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 46.

«Дафнопат», не только той тенденции, которая прослеживается в сочинениях историков, близких к Константину (Продолжатель Феофана), но и собственным высказываниям Константина в «Жизнеописании Василия»³⁷.

Это противоречие объясняется, как нам кажется, тем, что Скилица (или, вернее, его источник А) критикует политику Константина с аристократических позиций, с позиций человека, для которого политика Константина оказалась уже недостаточно аристократической. Аристократизм источника А особенно резко проявляется во враждебном отношении к Феофану, супруге Романа II: Скилица подчеркивает ее низкое происхождение (II, р. 329. 9), приписывает ей подготовку отравления Константина VII (II, р. 337. 3—6), обвиняет ее в убийстве Стефана, сына Романа Лакапина (II, р. 346. 18—20).

Естественно, что источник А резко отрицательно относится к крупнейшим вельможам Константина VII: о Константине Гонгиле, например, он говорит как о женоподобном человеке, как о неопытном в военных делах царедворце, наделавшем много ошибок во время своего похода на Крит (II, р. 336. 9—10)³⁸.

Как мы уже отметили, источник А неблагоприятно относится к Фокам: Варда Фока, заявляет, например, Скилица, «не совершил ничего достойного упоминания» (II, р. 330. 4). О Мануиле Фоке, посланном во главе войск в Сщцилию, Скилица говорит, что ему пристало скорее служить стратиотом (рядовым), чем стратигом (II, р. 360. 11—12). Но с особенной враждебностью отзывается Скилица о Никифоре Фоке. Он говорит, что Никифора толкало к захвату императорского престола давнишнее желание присвоить власть, сочетавшееся со страстью к презренной дочери торговца — Феофану (II, р. 348. 13—15); он изображает Никифора лицемером, считая удаление Феофана притворством (II, р. 351. 14—15). Он приводит список совершенных Никифором преступных дел: Никифор поощрял распущенность стратиотов и разрешал им грабить константинопольских горожан; во время походов взимал чрезмерные поборы; уменьшил размеры раздач, которые получали церкви и члены синклита; запретил церквям расширять их земельные владения; запретил назначать епископов без своего согласия; ввел испорченную монету (тетартерон) и т. п. (II, р. 367 sq.). В результате этого он сделался для всех ненавистным и был вынужден, опасаясь покушения, окружить свой дворец стеной (II, р. 369. 20—21).

В хронике Зонары мы находим несколько дополнительных замечаний, которые еще сильнее подчеркивают враждебное отношение автора к Никифору Фоке³⁹. Зонара подчеркивает, что первоначальный отказ Никифора от предложенной ему короны был лицемерным (IV, р. 76. 10); еще большее внимание уделяет он эротическому элементу в истории захвата престола Никифором (IV, р. 78. 14. р. 79. 27 и др.). Он сообщает далее о замысле Никифора оскотить сыновей Романа II, чтобы лишить их возможности иметь наследников и тем самым закрепить императорскую власть за родом Фок (IV, р. 89. 18). Гораздо более подробно останавливается Зонара на преступных деяниях Никифора: очень детально повествует он об увеличении податного гнета (IV, р. 82. 11—23). По-

³⁷ Theoph. Cont., р. 456. 14.

³⁸ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., стр. 132) необоснованно считает, что рассказ об экспедиции Гонгила почерпнут Скилицей из источника Б, благоприятного по отношению к Фокам.

³⁹ G. Wartenberg. Op. cit., S. 301; М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 133 сл.; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 62.

видимому, источник *А* был известен и Зонаре, изложение которого в отдельных местах, может быть, ближе к оригиналу, чем изложение Скилицы.

Таким образом, возможно видеть, что хроника Скилицы чрезвычайно широко использует источник *А*, не дошедший до нас; этот источник был пронизан тенденцией, враждебной Фокам, причем критика Фок и близких к ним лиц велась с аристократических позиций.

Чтобы уточнить политические симпатии автора источника *А*, мы должны обратить внимание на то, что его любимым героем является патриарх Полиевкт. Скилица подчеркивает мудрость и нестяжательство патриарха (II, р. 334. 8), восхищается его смелым выступлением против жадности многочисленной родни Романа Лакапина (II, р. 334. 16—17), его сопротивлением императору Никифору Фоке (II, р. 352.2—6), его мужественным поведением после переворота Иоанна Цимисхия (II, р. 380. 6—10). Таким образом, весьма вероятно, что автор симпатизирует патриарху Полиевкту и его политическим взглядам.

Более сдержанно, но явно благосклонно говорит Скилица о преемнике Никифора Фоки — знатном феодале Иоанне Цимисхий. Скилица не только подробно рассказывает о военных успехах Цимисхия, но и с одобрением отзывается о его покорности патриарху Полиевкту (II, р. 380. 10), о том, как Цимисхий, едва придя к власти, немедленно сослал Феофано (II, р. 380. 18—19), о щедрости Цимисхия к беднякам (II, р. 381. 7—8).

Мы могли бы допустить, что с приходом Иоанна Цимисхия к власти, когда укрепилось могущество и влияние провинциальной феодальной аристократии, та политика централизации и укрепления государственного аппарата и общеимперского войска, которую проводили и Константин VII, и Никифор Фока (опиравшиеся к тому же в известной степени на мелких феодалов)⁴⁰, оказалось совершенно не удовлетворяющей верхушку феодальной знати. Интересы крупных феодалов как раз и отразились в источнике *А*, направленном против Константина VII и Никифора Фоки и прославляющем патриарха Полиевкта, активного защитника крупного церковного землевладения. С этим прославлением Полиевкта хорошо гармонирует и тот факт, что Скилица осуждает Никифора II именно за его выступления против земельных богатств церкви.

Следовательно, один из источников Скилицы для истории 945—976 гг. (источник *А*) отражал интересы феодальной знати, причем, может быть, более точно было бы говорить о его церковном характере⁴¹. Защищая интересы крупной знати, в частности церковной, источник *А* отрицательно оценивает деятельность константинопольских сановников, которых он обвиняет в ограблении провинций (II, р. 357. 18).

Мы не в состоянии ни точно восстановить очертания этого источника, ни назвать его автора. Относительно же времени его составления можно высказать следующие соображения. Автор источника *А* жил либо в конце X, либо в начале XI в. — иначе он не мог бы описать события середины X столетия и в то же время послужить источником для Скилицы. Для уточнения этой датировки следует обратить внимание на то, что период правления Константина VII был известен автору источника *А* недостаточно хорошо, и в описании событий этого времени автор допускал грубые хронологические ошибки. Так, например, у Скилицы мы находим известие о том, что «рука Иоанна Предтечи» была перенесена из Антиохии в Константинополь в первый год патриаршества Полиевкта (II, р. 335. 10—18).

⁴⁰ Ср. А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 413.

⁴¹ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 127 сл.; П. О. Карышковский. Балканские войны ..., стр. 49.

Однако это противоречит известию Феодора Дафнопата, современника праздника и автора специального «Слова на перенесение руки Иоанна Предтечи»: по словам Дафнопата, это событие произошло 5 января при патриархе Феофилакте (умер 27 февраля 956 г.)⁴². Мы могли бы предположить, что автор источника А рассказывает о перенесении «руки Иоанна Предтечи» (5 января 956 г.) не на основании каких-либо письменных источников, а по личным воспоминаниям, хотя и весьма смутным; в результате он смешал с патриархом Феофилактом своего любимого героя Полиевкта, вступившего на патриарший престол лишь некоторое время спустя после переноса мощей. Весьма возможно, что автор источника А был в то время мальчишкой и что он, следовательно, родился около 945 г.

Если это допущение верно, то автор был современником Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Это подтверждается и содержанием хроники Скилицы: ее подробный и обстоятельный рассказ о правлении этих императоров, несомненно, восходит к известиям современника. Таким образом, мы приходим к вероятному предположению, что источник А был составлен около 1000 г.

Хроника Скилицы содержит и другую версию событий, восходящую, как уже было сказано, к источнику Б. Существование двух версий, а следовательно, и двух источников, проявляется прежде всего в разновременном рассказе, в наличии в нем противоречий. Так, заявив прежде всего, что Варда Фока не совершил ничего достойного упоминания (II, р. 330. 4), Скилица, тем не менее, немного спустя рассказывает об успешном походе Варды Фоки против агарян (II, р. 336. 1—3); сообщив о смерти болгарского царя Петра (II, р. 347. 1)⁴³, Скилица уже после этого передает содержание письма, направленного Никифором II Петру Болгарскому (II, р. 372. 5)⁴⁴. В ряде случаев Скилица приводит версии обоих своих источников: так, он передает две версии смерти Романа II (II, р. 345. 2—4), две версии переворота 963 г. (II, р. 348. 12) и т. д. Наконец, в отдельных случаях наличие второго источника Скилицы проявляется в том, что некоторые известия (преимущественно известия о деятельности Фок) предваряются вводными словами. Такова, например, большая вставка о Варде Фоке и его сыновьях, начинающаяся словами: «Как мы сказали» (II р. 330. 3—332. 3). К этой же группе вставок из источника Б принадлежит, по-видимому, и пространный отрывок, который содержит неожиданно подробное описание итало-византийских отношений, начиная со времени Василия I (II, р. 353. 12—356. 5). Эта вставка вводится словами 'αλλ' αναγκαίον εἶπεῖν («необходимо поведать») и уделает большое место действиям Никифора Фоки Старшего в Италии⁴⁵.

Источник Б отличается от источника А благожелательным отношением к Фокам. Если автор источника А писал, что Варда Фока не совершил ничего, достойного упоминания, то источник Б рассказывал о победах Варды Фоки. Это расхождение особенно отчетливо проявилось в рассказе о перевороте 963 г., когда одна версия (источник А) рисует Никифора Фоку человеком, давно уже стремившимся овладеть престолом и прекрасной Феофано, а другая (источник Б) представляет константино-

⁴² В. В. Л а т ы ш е в. Две речи Феодора Дафнопата. «Православный Палестинский сборник», т. IX, 1910, стр. LXI—LXIII.

⁴³ Он умер 30 января 969 г. (В. Н. З л а т а р с к и. История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 592, бел.).

⁴⁴ П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Балканские войны..., стр. 45, прим. 2. Ф. Дэльгер относит это письмо к июню 967 г. (F. D ö l g e r. Regesten der Kaiserurkunden des Ostömischen Reiches, T. I. München und Berlin, 1924, № 710).

⁴⁵ См. об этом Н. G r é g o i r e. La carrière du premier Nicéphore Phocas. «Προσφορά εις Στ. Κυριακίδην». Θεσσαλονίκη, 1953, р. 252 sq.

польского сановника Иосифа Врингу виновником междоусобной войны, Никифора же заставляет принять императорскую власть лишь под давлением его полководцев.

Благожелательная по отношению к Фокам версия событий сохранилась и в некоторых других памятниках, которые, возможно, также восходят к источнику *В.* К числу этих памятников относится прежде всего «История» Льва Диакона.

Лев Дьякон является автором «Истории в X книгах», сохранившейся в единственной парижской рукописи № 1712; его сочинение впервые было издано Б. Газе в 1819 г.⁴⁶ Имеющий серьезное значение для древнейшей истории Руси труд Льва Диакона был уже на следующий год переведен на русский язык⁴⁷.

В своем сочинении Лев Дьякон сообщает о себе некоторые сведения: он родился в малоазийском селении Калой, в плодородной долине у подножья Тмола, учился в Константинополе, где был рукоположен в диаконы (р. 5), и принимал участие в губительном походе Василия II на болгар, которые разгромили армию византийского императора в Ихтиманском проходе в 986 г. (р. 172. 24). Льву Дьякону, помимо «Истории», принадлежит также «Похвальное слово» императору Василию II, опубликованное И. Сикутрисом; издатель датировал его 980 г. и считал, что там имеются намеки на восстание Варды Склира в 976 г.⁴⁸

В. Фишер отождествлял Льва Дьякона со Львом Азиатом (или Карийцем), упомянутым в предисловии к хронике Скилицы⁴⁹. Для этого отождествления В. Фишеру пришлось допустить известную натяжку, ибо Калой расположен не в Карии, хотя и неподалеку от ее границ. Предположение В. Фишера, ставшее традиционным, попытался пересмотреть М. Я. Сюзюмов⁵⁰. В настоящее время вопрос этот остается открытым; во всяком случае из упоминания Льва Азиата в предисловии к хронике Скилицы мы еще не можем сделать вывод, что «История» Льва Диакона послужила источником хроники Скилицы.

«История» Льва Диакона охватывает время правления трех императоров: Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия (959—976), затрагивая также и начало царствования Василия II. Лев прямо говорит, что он не считал нужным излагать историю правления Константина VII, так как она была уже описана в большом числе исторических сочинений (р. 5, 14—19). Какие исторические сочинения он имел в виду, установить, разумеется, трудно: Лев вполне мог читать сочинение Феодора Дафнопата, составившее в дальнейшем последнюю часть хроники Продолжателя Феофана; однако сочинение Дафнопата охватывало и время Романа II. Вряд ли мог он иметь в виду и хронику Симеона Логофета, завершающуюся событиями 948 г., т. е. первыми годами правления Константина VII (945—959). Остается предположить, что такие исторические сочинения действительно существовали, но не дошли до нашего времени, хотя не исключена возможность и того, что это заявление Льва является просто риторической фразой, подражающей какому-то древнему образцу

⁴⁶ Мы пользуемся боннским изданием: Leonis Diaconi Historiae libri X. Вонпае, 1828.

⁴⁷ История Льва Дьякона, перевод Д. Попова. СПб., 1820.

⁴⁸ I. Sykutris. Λέοντος τοῦ Διακόνου ἀνεκδοτὸν ἐγκώμιον εἰς Βασίλειον τὸν Β'. ΕΕΒΣ, т. 10, 1933, сел. 431 ἐξ.

⁴⁹ W. Fischer. Beiträge zur historischen Kritik des Leon Diaconus und Michael Psellos. «Mitteilungen des Instituts für österr. Geschichtsschreibung», Bd. 7, 1886, S. 376. Так и П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 47.

⁵⁰ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 112, прим. 3.

и служащей формальным оправданием выбранного Львом исходного момента повествования.

Большие трудности порождает вопрос о времени составления «Истории» Льва Диакона. Твердый *terminus post quem* дает уже упомянутый нами рассказ о поражении Василия II в Ихтиманском проходе (986 г.). Попытки более точно определить время составления «Истории» были предприняты В. Фишером, который обратил внимание на рассказ Льва Диакона о землетрясении, разрушившем купол св. Софии, восстановленный Василием II лишь шесть лет спустя (р. 176. 4—7). Так как это землетрясение, по расчетам Фишера, следует отнести к 29 октября 986 г., то можно считать новым *terminus post quem* 992 г.⁵¹ Расчеты В. Фишера были уточнены В. Розеном. По его мнению, упомянутое Львом Диаконом землетрясение имело место не в 986 г., как полагал В. Фишер, а в 989 г.; соответственно и дата восстановления купола св. Софии отодвигалась примерно к 995 г. Расчеты В. Розена относительно времени землетрясения и восстановления купола нашли серьезное подтверждение в источниках другого рода, оставленных им без внимания: исследуя греческие этимологиконы, А. И. Пападопуло-Керамевс пришел к выводу, что восстановление купола св. Софии следует отнести к 13 мая 994 г.⁵²

Однако эту дату нельзя безоговорочно принять за *terminus post quem*. М. Я. Сюзюмов убедительно показал, что весь пессимистический тон «Истории» Льва Диакона заставляет относить ее завершение ко времени до успешных походов Василия II против болгар (991—995 гг.). Исходя из этого, он предлагал считать заметку о восстановлении купола св. Софии позднейшей вставкой⁵³.

Итак, наиболее вероятной датой окончания «Истории» Льва Диакона следует признать время между 989 г. (землетрясение) и 991 г. (начало успешных войн с болгарами).

Сочинение Льва Диакона испещрено восторженными похвалами Никифору Фоке. Автор называет его «мужем деятельным, отважным, опытным в делах воинских и силою непобедимым» (р. 7. 13—14). Он вырос в сражениях (р. 44. 3) и был любим своими воинами (р. 44. 1—2), которые ценили его личную храбрость (р. 29. 20—23)⁵⁴. Подробно говорит Лев Диакон и о подвигах брата Никифора—Льва Фоки, называя его благородным и разумным (р. 18. 14) и утверждая, что божья помощь соупотствовала ему в битвах (р. 18. 16—18). Таким образом, общая тенденция «Истории» Льва Диакона чрезвычайно близка к общей тенденции источника Б. Естественно, что возникает вопрос о соотношении этих источников.

На сходство между Львом Диаконом и Скилицей обратил внимание уже издатель Льва Диакона Б. Газе, который в комментариях к изданию отметил ряд мест, где, по его мнению, Лев Диакон послужил источником Скилицы. Однако это мнение Б. Газе было подвергнуто критике Г. Вартенбергом, утверждавшим, что Лев Диакон передает совершенно не-

⁵¹ W. Fischer. Op. cit., S. 355. Ср. также Н. П. Благоев. Критичен поглед върху известията на Лъв Дякон за българите. «Македонски преглед», т. 6, 1930, стр. 26.

⁵² В. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 225, прим. 176; А. И. Пападопуло-Керамевс. К истории греческих этимологиков. ЖМНП, 1898, сентябрь, стр. 115; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 41.

⁵³ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 137 сл.

⁵⁴ П. Сырку. Византийская повесть об убийстве императора Никифора Фоки. СПб., 1883, стр. 7 сл.

зависимую от Скилицы версию⁵⁵. Однако даже проделанное Г. Вартенбергом сопоставление текстов Льва Диакона и Скилицы не может привести к тому произвольному выводу, который он сделал. В ряде случаев сам Г. Вартенберг оказывается вынужден признать сходство в повествовании обоих авторов: он отмечает сходные места в описании похода Никифора на Крит, переворота 963 г., убийства Никифора и в некоторых других эпизодах⁵⁶.

Неправильный вывод, к которому пришел Г. Вартенберг, объясняется трудностью, заключающейся в том, что даже в передаче одних и тех же эпизодов расхождение между Львом Диаконом и Скилицей все же было значительным и, в частности, местами Скилица приводил такие подробности, которых у Льва Диакона не было; короче говоря, нельзя было, не прибегая к натяжкам, признать в Льеви Диаконе источник Скилицы, как чересчур поспешно предложил Б. Газе. Эта трудность была успешно разрешена М. Я. Сюзюмовым, который высказал предположение, что Лев Диакон и Скилица пользовались о б щ и м источником; при внимательном анализе оказалось, что «настроенный в общем враждебно к Никифору Скилица, наоборот, в тех местах, которые имеют сходство со Львом Диаконом, благовоит к императору и обнаруживает склонность оправдывать его»⁵⁷. Иначе говоря, те места хроники Скилицы, которые по своей тенденции должны быть отнесены к источнику *Б*, обычно оказываются текстуально близкими к «Истории» Льва Диакона. А это позволяет предполагать, что Лев Диакон не только передает тенденцию, сходную с тенденцией источника *Б*, но и о п и р а е т с я на него.

Взгляды М. Я. Сюзюмова были приняты подавляющим большинством современных византинистов, в том числе и такими авторитетными исследователями, как Г. А. Острогорский, Ф. Дэльгер, Д. Моравчик⁵⁸. Один лишь М. В. Левченко продолжал держаться старой точки зрения, полагая, что Лев Диакон был очевидцем описанных им событий или современником, писавшим на основании рассказов очевидцев, и что Скилица непосредственно пользовался сочинением Льва Диакона, привлекая, помимо того, другой ценный источник — возможно, работу Феодора Севастийского⁵⁹. К сожалению, М. В. Левченко не рассматривает доводов Г. Вартенберга и М. Я. Сюзюмова, противоречащих его концепции, и не приводит собственной аргументации.

В 1953 г. вышло новое исследование, в котором вновь подробно рассматривался вопрос о соотношении Льва Диакона и Скилицы, — не раз уже цитированная статья П. О. Карышковского; автор этого исследования также принял все основные выводы М. Я. Сюзюмова. Если не говорить о некоторых деталях, новым в статье П. О. Карышковского было лишь признание того, что Лев Диакон пользовался подлинными документами — посланиями византийских политических деятелей⁶⁰.

⁵⁵ G. W a r t e n b e r g. Op. cit., S. 317.

⁵⁶ Ibid., S. 303, 304—305, 309.

⁵⁷ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 110.

⁵⁸ F. D ö l g e r. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen. BZ, Bd. 32, 1932, S. 274; G. O s t r o g o r s k y. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 188, n. 1; Gy. M o r a v c s i k. Op. cit., Bd. I, S. 336. Впрочем, Д. Моравчик считает, что общим источником Льва Диакона и Скилицы мог быть даже «какой-то дневник военных действий» (Д. М о р а в ч и к. Κομέντων — печенежское или русское слово? «Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», T. I. 1951, p. 227).

⁵⁹ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 279. О том, что Феодор Севастийский не был источником Скилицы, см. выше, стр. 110.

⁶⁰ П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 52. Ср. е г о ж е К истории балканских походов Руси при Святославе. КСИС, вып. 14, 1955, стр. 29.

Таким образом, может казаться, что вопрос об источниках Льва Диакона и Скилицы является решенным, однако мы стараемся показать, что это не совсем так. Принимая основной вывод М. Я. Сюзюмова о наличии общего источника для Льва Диакона и Скилицы, мы попытаемся по-иному определить как время составления этого памятника (источник *В*), так и его характер и политическую направленность.

Описание правления Романа II в «Истории» Льва Диакона заполнено рассказами о подвигах Никифора и Льва Фок. Это позволяет догадываться, что в изложении событий до воцарения Никифора Фоки автор источника *В* интересовался исключительно семейной историей Фок. Это предположение подтверждается некоторыми дополнительными фактами. «История» Льва Диакона содержит рассказ о поражении византийцев при Ахелое, происшедшем задолго до описываемых Львом событий — в 917 г. Внимание Льва Диакона к сражению болгар и византийцев при Ахелое не оправдано внутренней структурой его книги — оно объясняется исключительно тем, что византийскими войсками в этом сражении командовал Лев Фока Старший. При этом Лев Диакон стремится снять со Льва Фоки вину за поражение византийских войск (р. 122 sq.). Вслед за тем Лев рассказывает о восстании, поднятом Львом Фокой (р. 124. 15).

Естественно предположить, что история Льва Фоки Старшего была заимствована Львом Диаконом из источника *В*, интересовавшегося, как мы уже знаем, судьбой Фок. Это тем более вероятно, что сходную трактовку событий, связанных с битвой при Ахелое, мы найдем и у Скилицы. Хотя в общем Скилица излагает историю начала X в. вслед за хроникой Продолжателя Феофана, у него наряду с «феофановской» версией этих событий (р. 285 sq.)⁶¹ имеется и вставка, начинающаяся словом «говорят» (φασί) и изображающая виновником поражения при Ахелое Романа Лакапина (р. 287. 5sq.).

К версии битвы при Ахелое, изложенной в источнике *В*, восходит, по-видимому, и рассказ Лиутпранда о том, что domestiku Фоке удалось отбить натиск болгарского царя Симеона⁶².

Далее, мы видели, что одна из вставок в хронике Скилицы, восходящая к источнику *В*, посвящена подвигам Никифора Фоки Старшего, полководца императора Василия I, в Италии. У нас есть основания предполагать, что источник *В* содержал о нем больше сведений, нежели сохранилось в данной вставке. Дело в том, что в середине X в. Никифор Фока Старший стал очень популярной фигурой: автор военного трактата «Об устройстве лагеря», изданного в приложениях к «Истории» Льва Диакона, передает несколько рассказов о военных подвигах Никифора Фоки Старшего⁶³; составитель второй редакции хроники Симеона Логофета имел в своем распоряжении данные не только о подвигах, но и о личной жизни Никифора Фоки. Он внес в хронику Симеона Логофета, составленную до 963 г., ряд вставок, заимствованных из произведения, написанного после 963 г., когда Никифор стал императором⁶⁴. В этом произведении большое внимание уделялось Никифору Фоке Старшему. Весьма вероятно, что этим произведением пользовался и анонимный автор трактата «Об устройстве лагеря». Таким сочинением, использованным и составителем второй редакции хроники Симеона Логофета, и автором трак-

⁶¹ Cp. Theoph. Cont., p. 388 sq.

⁶² Liudprand von Cremona. Die Werke. Hannover und Leipzig, 1915, S. 85 f.

⁶³ Leo Diac., p. 242. 2 sq.

⁶⁴ См. об этом: H. Gregoire. Op. cit., p. 240 sq.; А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 134.

тата «Об устройстве лагеря», был, скорее всего, источник *Б*. Возможно, наконец, что к этому же сочинению восходят подробности относительно Никифора и Льва Фок, сохранные в «Ватиканском анониме» (Vatic. 163⁶⁵).

Если это так, то источник *Б* содержал сведения о Никифоре Фоке Старшем, о Льве Фоке Старшем, о Варде Фоке и его сыновьях Никифоре и Льве, т. е. представлял собою нечто вроде истории малоазийского феодалного рода Фок; мы могли бы условно назвать его «Историей Фок»⁶⁶. Эта «История Фок» начиналась по крайней мере с Никифора Фоки Старшего; его отец Фока также был упомянут.

Теперь следует выяснить, описанием каких событий это сочинение завершалось.

Бесспорно, «История Фок» затрагивала события 963 г. Хроника Скилицы, как мы уже знаем, сохранила две версии переворота 963 г.: одну — почерпнутую из источника *А*, и другую — благоприятную для Никифора и восходящую, следовательно, к источнику *Б*, к «Истории Фок». Эта благожелательная к Фокам версия отражена и в рассказе Льва Дякона, где вся ответственность за кровавые события в Константинополе возлагается на Иосифа Врингу. Наконец, сходная версия отражена еще в одном источнике — во вставке в книгу Константина Багрянородного «О церемониях», где содержится подробное и благоприятное для Никифора Фоки описание переворота 963 г.⁶⁷

Благорасположение автора этой вставки (или его источника) к Никифору Фоке проступает прежде всего в характеристике действующих лиц: Никифор назван здесь благочестивым и христоролюбивым императором (р. 434. 4), императорский титул он принимает (как и в источнике *Б*) против собственного желания (р. 434. 10). Наоборот, его противник Вринга наделен отрицательными чертами: он завистлив (р. 434. 17 и 435. 2), готов пойти на тайное убийство (р. 435. 6); близкие к Вринге люди прямо названы порочными (р. 435. 17).

Далее, мы можем видеть, что последовательность в описании событий, которую мы находим в книге «О церемониях», соответствует основным чертам повествования Скилицы — с тем существенным отличием, что в книге «О церемониях» отсутствует начало рассказа Скилицы, где шла речь о событиях до провозглашения Никифора императором. Оба источника рассказывают о походе Никифора в Хрисополь⁶⁸, о попытке Иосифа Вринги арестовать родственников Никифора и их бегстве⁶⁹, об угрозах Вринги поднять цены на хлеб⁷⁰, о разграблении домов⁷¹ и т. д.

Впрочем, следует отметить, что текстуальные совпадения редки. Это обстоятельство может быть объяснено, в частности, тем, что Скилица передает чрезвычайно сокращенную версию событий.

⁶⁵ Отрывки из этой рукописи опубликованы в приложении к «Истории» Льва Дякона (Le o D i a c., р. 418—432). См. о ней: С. Ш е с т а к о в. О рукописях Симеона Логофета. ВВ, V, 1898, стр. 43 сл.; Су. М о г а в с с и к. Op. cit., Vd. I, S. 516.

⁶⁶ Не следует ли допустить, что из этой «Истории Фок» историк XI в. Михаил Атталиат заимствовал свои фантастические сведения о генеалогии Фок, которых он возводил к Константину Великому (Michaelis Attaliatae Historia. Bonnæ, 1853, р. 217. 19) и даже к «знаменитым Фабиям» (ibid., р. 218. 11—12)? Атталиат упоминает далее, что о Никифоре Фоке рассказывали многочисленные сочинения (ibid., р. 229. 4—5).

⁶⁷ Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae byzantinae. Bonnæ, 1829, р. 433 sq.

⁶⁸ Ibid., р. 435. 11 (=C e d r., II, р. 348. 23).

⁶⁹ Ibid., р. 435. 6 sq. (=C e d r., II, р. 349. 4—7).

⁷⁰ Ibid., р. 436. 1 (=C e d r., II, р. 349. 14—17).

⁷¹ Ibid., р. 437. 13 (=C e d r., II, n. 350. 1—2).

Хотя рассказ в книге «О церемониях» в целом гораздо более подробен, чем версия Скилицы, он все же содержит некоторые пропуски: в нем совершенно опущены все известия, относящиеся к деятельности Иоанна Цимисхия и паракимомена Василия Нофа, выступавших в 963 г. на стороне Никифора. Возможно, это объясняется тем, что вставка была составлена уже после убийства Никифора в 969 г., когда эти политические деятели выступили его противниками. Единственное и случайное упоминание Василия Нофа (р. 437. 21) позволяет догадываться, что в источнике, переработанном автором вставки, Василию было уделено известное место.

Итак, представляется весьма вероятным, что вставка в книге «О церемониях», посвященная описанию переворота 963 г., была составлена на основании данных «Истории Фок».

«История Фок» описывала переворот 963 г., но не завершалась его описанием. В пользу этого предположения говорит прежде всего сохранение Львом Диаконом благоприятной для Фок тенденции в рассказе о первой половине правления Никифора Фоки. Это подтверждается и хроникой Скилицы, где описание подготовки войны с Болгарией составлено на основании двух источников, ибо, как мы уже видели, известия о Петре Болгарском противоречивы.

М. Я. Сюзюмов полагал, что общий для Льва Диакона и Скилицы источник *Б* описывал не только историю царствования Никифора Фоки, но и правление Иоанна Цимисхия; более того, он даже был склонен считать, что для Скилицы в разделе, посвященном истории Цимисхия, именно источник *Б* был основным ⁷². В соответствии с этим М. Я. Сюзюмов предпринял попытку определить время составления источника *Б*: по его мнению, враждебное отношение Льва Диакона и Скилицы к паракимомену Василию в конце их повествований о правлении Цимисхия свидетельствует, что источник *Б* был составлен уже после изгнания Василия, которое на основании известий Яхьи Антиохийского следует отнести к 985 г. ⁷³ Итак, по мнению М. Я. Сюзюмова, источник *Б* был составлен после 985 г. и доводил изложение по крайней мере до смерти Иоанна Цимисхия (976 г.).

Однако этому суждению М. Я. Сюзюмова противоречит следующее обстоятельство: несмотря на то, что источник *Б* представлял собою «Историю Фок» (а это в той или иной степени склонны принять и М. Я. Сюзюмов, и П. О. Карышковский), ни у Льва Диакона, ни в хронике Скилицы после рассказа о смерти Никифора мы не найдем следов использования семейной истории рода Фок: даже когда речь идет о восстаниях Фок против Иоанна Цимисхия, мы не чувствуем, что симпатии авторов на их стороне.

Более того, нельзя допустить, что источник *Б* был составлен после переворота Цимисхия в 969 г.: если бы автор «Истории Фок» знал об убийстве Никифора Фоки клеветами Цимисхия, то было бы совершенно необъяснимым благожелательное отношение к Цимисхию в первых книгах «Истории» Льва Диакона и в восходящих к «Истории Фок» частях хроники Скилицы. Мы уже обращали внимание на то «очищение» рассказа о событиях 963 г. от Цимисхия и Василия Нофа, которое можно наблюдать в повествовании книги «О церемониях», — ни у Скилицы, ни у Льва Диакона этого нет. Значит, этого не было и в источнике *Б*. Следовательно, автор источника *Б* еще не знал об убийстве Никифора Фоки.

⁷² М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 133; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 48 сл.

⁷³ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 126; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 48.

Такое наблюдение приводит нас к выводу, что «История Фок» написана до 969 г., а это значит, что она обрывалась на изложении истории правления Никифора Фоки. В пользу такого предположения можно привести еще несколько аргументов.

1. Составление «Истории Фок» естественно отнести к царствованию Никифора, который должен был проявлять интерес к истории своих предков. И наоборот, чрезвычайно трудно ожидать появления подобного сочинения в правление Василия II (976—1025), враждебно относившегося к Фокам.

2. И трактат «Об устройстве лагеря», и вторая редакция хроники Симеона Логофета возникли в правление Никифора. Однако, как мы видели, представляется вероятным, что оба эти памятника в какой-то мере базировались на источнике *Б*. Если это заключение справедливо, то возникновение источника *Б* не может быть отнесено ко времени после смерти Никифора II.

3. В «Истории» Льва Диакона можно заметить переход от благожелательного отношения автора к Фокам к неблагоприятному. В конце раздела, посвященного истории Никифора II, Лев Диакон рассказывает о спекулирующих брата Никифора — Льва Фоки (р.64.3—7), о недовольстве константинопольского плебса императором (р.63.24). Не следует ли предположить, что изменение отношения автора к Фокам обусловлено тем, что для конца этого раздела Лев Диакон уже не мог пользоваться «Историей Фок»?

4. В «Истории» Льва Диакона обнаруживается одно любопытное противоречие: там рассказывается, что Лев Фока (брат Никифора) и его сын Никифор были ослеплены после восстания Варды Фоки против Иоанна Цимисхия в 970 г. Затем Лев Диакон еще раз говорит об их ослеплении.

Известие об ослеплении Льва Фоки и его сына не почерпнуто Львом Диаконом из общего источника со Скилицей, ибо Скилица знает, что ослепление их в 970 г. было мнимым. Скорее всего, об ослеплении Льва Фоки, равно как и обо всем восстании 970 г., Лев Диакон писал на основании рассказов и слухов. При этом, как предположил Г. Вартенберг, история восстания 970 г. должна была быть написана до второго мятежа Фок. Иначе говоря, Лев Диакон начал писать «Историю» еще в правление Иоанна Цимисхия⁷⁴. Следовательно, послужившая ему источником (особенно в начале его труда) «История Фок» не могла быть написана после смерти Иоанна Цимисхия.

5. Наконец, следует отметить, что и М. Я. Сюзюмов вынужден был признать, что в описании правления Иоанна Цимисхия Лев Диакон перестает быть близким к Скилице: его известия становятся более самостоятельными и подробными, порядок изложения отличается от порядка Скилицы⁷⁵. Это наблюдение делает маловероятным его собственный вывод о том, что в описании истории правления Цимисхия оба автора опираются на общий единственный источник — на источник *Б*.

При этом М. Я. Сюзюмов упустил из виду, что между рассказом Скилицы о правлении Цимисхия и теми частями его повествования о царство-

⁷⁴ G. W a r t e n b e r g. Das Geschichtswerk des Leon Diakonos. BZ, Bd. 6, 1897, S. 110. П. О. К а р ы ш к о в с к и й («Балканские войны...», стр. 41), не учитывая наблюдения Г. Вартенберга, относит начало работы Льва Диакона над «Историей» к 989 г. Предисловие, из анализа которого он исходит, могло быть написано после всего труда (или даже восходить к Агафию).

⁷⁵ М. Я. С ю з ю м о в. Указ. соч., стр. 123 и сл. Правда, в другом месте он, противореча самому себе, говорит (стр. 147) о большом сходстве между обоими источниками в части, касающейся Иоанна Цимисхия.

вании Никифора Фоки, которые, несомненно, восходят к источнику А, имеется определенная общность. Так, например, Скилица сохраняет то же отношение к патриарху Полиевкту, которое было присуще источнику А. Следовательно, и в этом разделе своей хроники Скилица пользовался источником А.

Все эти соображения, как нам кажется, противоречат гипотезе М. Я. Сюзюмова о том, что Лев Диакон в части, посвященной царствованию императора Иоанна Цимисхия, пользовался одним источником — общим со Скилицей источником В, составленным после 985 г.

Отвергнув гипотезу М. Я. Сюзюмова, мы можем создать довольно последовательное — хотя и остающееся гипотетическим — представление об объеме и содержании «Истории Фок». Скорее всего, она начиналась с подробного описания походов Никифора Фоки Старшего в Италию, Болгарию и Сирию; затем шла речь о домостике схол Льве Фоке, причем «История Фок» излагала благоприятную для него версию о причинах поражения при Ахелое. Далее описывалось восстание, которое Лев Фока поднял против Романа Лакапина. В следующих главах шла речь о Варде Фоке и его сыновьях — Никифоре и Льве. Эту часть «Истории Фок» довольно точно отражает начало «Истории» Льва Диакона, посвященное правлению Романа II, но на деле рассказывающее о Никифоре и Льве Фоках. Подробно повествовала «История Фок» о перевороте 963 г., причем, разумеется, излагалась благоприятная для Никифора Фоки версия переворота. Наконец, завершалась «История Фок» описанием походов императора Никифора II. Написана она была, по-видимому, незадолго до 969 г.

Переходим теперь к рассмотрению политических воззрений автора этого сочинения. Основная его тенденция — прославление знатного малоазиатского рода Фок — проступает отчетливо в сохранившихся фрагментах и пересказах. Однако, помимо этой тенденции, следует отметить своеобразное отношение «Истории Фок» к плебсу. Говоря о поведении Иосифа Вринги во время событий 963 г., Скилица (источник В) подчеркивает, что основной причиной его поражения было неправильное отношение к константинопольскому плебсу (ὄχλος), который он должен был привлекать на свою сторону, а вместо того раздражил и разгневал (II, р. 349. 9—12).

Такая оценка роли плебса не была случайной фразой, оброненной автором «Истории Фок» и повторенной за ним сановником XI в. Скилицей: Фоки и в самом деле стремились обеспечить себе поддержку константинопольского плебса, что особенно отчетливо проявилось во время переворота 963 г. (тогда именно поддержка плебса обеспечила Фокам победу)⁷⁶. Такое отношение к городскому плебсу определило в значи-

⁷⁶ В этой связи заслуживает упоминания то обстоятельство, что благожелательная оценка правления Никифора Фоки сохранилась, помимо современного диалога «Филопатрис», также в некоторых более поздних памятниках византийской литературы, рассчитанных на сравнительно широкий круг читателей. Так, в «Повести об убийстве Никифора Фоки» император изображается как «народный царь». Вопреки исторической действительности там говорится: «Не было в его царствование ни севастократоров, ни прахторов, ни войска, и никаких властей царских; жило царство безмятежно» (Ш. Сырку. Византийская повесть..., стр. 111). Положительную характеристику Никифора встречаем мы и в «Видении Анастасии», составленном, скорее всего, на рубеже X—XI вв. (см. М. Сперанский. Малоизвестное византийское «видение» и его славянские тексты. BS, vol. 3, стр. 1931, 121 сл.; там же указана литература). К этим легендам восходит, возможно, и вставка в хронике Зонары, где рассказывается, что Никифор создал войско из земледельцев (βωλοκόποι): вопреки пророческому слову он превратил серпы в мечи, а плуги в копья (Zonaras, IV, р. 74. 12—16). Ср. К. Ромaios. Τρεῖς βυζαντινοὶ ἄρχοντες στὰ σημερινὰ δημοτικά

тельной степени упреки в адрес Никифора Фоки, которые раздавались в аристократических кругах, близких к патриарху Полиевкту и Иоанну Цимисхию; эти упреки отразились, в частности, в том не дошедшем до нас сочинении, которое легло в основу хроники Скилицы при описании периода 945—976 гг. (источник А). Сторонники крупной феодальной знати упрекали Никифора за то, что он не захотел приостановить плебейское движение в Константинополе, которое повлекло за собой разграбление домов знати и купцов; Иоанн же Цимисхий с самого начала своего правления выказал себя открытым противником плебса: после переворота 969 г. он, как сообщает Лев Диакон (р. 94.18), первым долгом издал простагму, строго каравшую за «грабеж»⁷⁷. Это дало возможность, по словам Льва Диакона, удерживать народ «в удивительном и полнейшем спокойствии» (р.98. 5).

Таким образом, можно видеть, что в основе хроники Скилицы в части, посвященной периоду 945—976 гг., лежат два исторических сочинения. Первое из них имело отчетливо выраженную тенденцию, направленную против Константина VII и Никифора II; оно вышло из аристократических кругов, близких к патриарху Полиевкту и Иоанну Цимисхию. Хронологические рамки этого сочинения нам неизвестны: быть может, оно начиналось раньше 945 г. и кончалось после 976 г. Во всяком случае представляется вероятным, что оно было написано около 1000 г. человеком, родившимся около 945 г. Именно это сочинение, автор которого враждебно отзывался о паракимомене Василии Нофе, было написано после изгнания Василия в 985 г. Кроме Скилицы, отдельные части этого сочинения использовал и сохранил Зонара.

Второй источник Скилицы в этой части — «История Фок», написанная в период правления Никифора II незадолго до 969 г. Она охватывала период от Никифора Фоки Старшего (?) до подготовки болгаро-византийской войны и представляла собой семейную историю знатного малоазиатского рода Фок. Традиция «Истории Фок», помимо хроники Скилицы, запечатлена в «Истории» Льва Диакона, в добавлениях второй редакции хроники Симеона Логофета, в трактате «Об устройстве лагеря» и, наконец, в одной вставке в сочинении Константина Багрянородного «О церемониях».

Переходим теперь к источникам Льва Диакона. Сам Лев Диакон утверждал, что он был очевидцем описанных им событий, а о том, чего сам не видел, слышал от видевших это людей; об этом он говорит и в предисловии (р. 5.19), и в самом тексте своего сочинения (р. 65.8 и др.). Многие историки были склонны принимать на веру это заявление Льва Диакона и считали, что он на самом деле писал свою «Историю» как очевидец⁷⁸. В. Фишер полагал даже, что Лев Диакон был официальным историографом византийских императоров⁷⁹.

τραγοῦδία. «Πεπραγμένα θ' Διευθ. Βυζαντινολ. Συμμεδρίου», т. III, 1958 (нам недоступно). Апологетическая оценка Никифора дана и в некоторых церковных стихах; см. А. А. Дмитриевский. Служба в честь византийского императора Никифора Фоки. «Труды Киевской духовной академии», 47, 1906, февраль (то же самое в «Сборнике в честь Ю. А. Кулаковского». Киев, 1911); ср. L. Petit. Office inédit en honneur Nicéphore Phocas. BZ, Bd. 13, 1904.

⁷⁷ F. Dölger. Regesten..., T. I, № 725.

⁷⁸ K. Krumbacher. Op. cit., S. 267; G. Wartenberg. Leo Diaconus..., S. 312. Других авторов (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, К. В. Базилевич) указывает П. О. Карышковский («Балканские войны...», стр. 37, прим. 3).

⁷⁹ W. Fischer. Op. cit., S. 377. Эту точку зрения принял и П. О. Карышковский («Балканские войны...», стр. 52).

Это положение В. Фишера является весьма сомнительным. Лев Диакон завершил свой труд в правление Василия II. Он нарисовал мрачную картину состояния Византийской империи в 80-е годы X в., печальное положение государства, упомянул о поражении в Ихтиманском проходе. Все это он противопоставил блеску и могуществу империи при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхий. Такое направление мыслей вряд ли могло быть свойственно сочинению официального историографа.

Не соответствует действительности и широко распространенное представление, будто Лев Диакон писал исключительно на основании устных источников и собственных наблюдений. Он пользовался письменными источниками и, в частности, использовал для истории царствования Никифора общий со Скилицей источник *Б* («Историю Фок»). Гораздо более сложен вопрос об источниках для второй части его труда.

Основная трудность, возникающая в этой связи, состоит в том, что Лев Диакон и в этой части имеет ряд совпадающих мест с хроникой Скилицы, хотя несомненно, что порядок изложения у обоих историков совершенно различен. Среди этих общих мест, отмеченных Г. Бартенбергом и М. Я. Сюзюмовым, важнейшими являются рассказ об убийстве Никифора Фоки⁸⁰ и некоторые эпизоды из истории русско-византийских войн, особенно рассказ о поединке Анемы и Икмора. Возможно, что эти места восходят к каким-то устным или письменным преданиям, которые вполне могли стать известными обоим авторам. Значительные расхождения как в последовательности изложения, так и в трактовке отдельных эпизодов заставляют сомневаться в существовании какого-то единого, общего для Льва Диакона и Скилицы источника в части, касающейся истории правления Иоанна Цимисхия.

Сравнительно недавно П. О. Карышковский высказал предположение, что включенный в раздел о правлении Иоанна Цимисхия рассказ Льва Диакона о походе Игоря на Константинополь восходит к «Житию Василия Нового»⁸¹. Даже если это предположение справедливо, все же оно касается эпизода, относящегося к событиям прошлого. Что же касается современных событий, то в этой части, по-видимому, Лев Диакон использовал различные слухи, рассказы очевидцев и собственные наблюдения. Значение устных свидетельств и личных наблюдений особенно возрастает к концу «Истории», где Лев Диакон рисует хорошо ему известное тяжелое положение Византийской империи в первые годы правления Василия II.

П. О. Карышковский поднял очень важный вопрос об использовании Львом Диаконем официальных документов — писем и даже византино-русских договоров⁸². Однако доказать это предположение можно будет только в том случае, если удастся найти оригиналы приведенных у Льва Диакона писем⁸³.

Несамостоятельность, проявляющаяся особенно в начале книги Льва Диакона, заставляет критически отнестись к его произведению. К тому же самому выводу приводит и рассмотрение литературных приемов и миро-

⁸⁰ См. об этом также: R. Guillaud. Le palais du Boukoléon. L'assassinat de Nicéphore II Phokas. BS, vol. 13, 1952, p. 123—133. Р. Гийан выясняет некоторые различия в рассказе хронистов об этом событии.

⁸¹ П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси. ВВ, XVII, 1960, стр. 47.

⁸² П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 52 сл. Еще до него Д. Моравчик предположил, что Лев Диакон пользовался дневником военных действий (см. выше, стр. 118, прим. 58).

⁸³ Именно находка такого рода подтвердила гипотезу К. де Боора о том, что анонимный автор «Псамафийской хроники» пользовался официальными документами; см. Sp. P. Lambrós. Die Abdankungsurkunde des Patriarchen Nikolaus Mystikos. BZ, Bd. I, 1892.

воззрения этого историка. Лев Диакон — прежде всего рассказчик, заботящийся о занимательности своего труда, а не о его достоверности. Чтобы сделать свое изложение более занимательным, Лев Диакон щедро черпает сведения из древних писателей. М. Я. Сюзюмов совершенно правильно писал о его творческой манере: «Желая описать какое-либо событие, он пользуется фактическими данными лишь в общих чертах, подробности же обстановки придумывает сам, стараясь по возможности находить их у Агафия»⁸⁴. Зависимость Льва Диакона от Агафия Миринейского особенно отчетливо проступает в предисловии и в первой половине «Истории», где Лев Диакон изображает отдельные эпизоды военных действий теми же словами, какими Агафий рисовал походы византийского полководца VI в. Нарсеса⁸⁵. Во второй половине книги зависимость от Агафия чувствуется меньше — она проступает главным образом в описании войны с Русью⁸⁶.

Лев Диакон не пользуется древними авторами, непосредственно (кроме Агафия). Однако влияние античной традиции чувствуется в его сочинении постоянно. Лев Диакон, например, называет печенегов «вшеядным» племенем (р. 157.17) — этот эпитет восходит к античной традиции: о существовании скифского племени, будто бы питавшегося вшами, говорило эллинское предание, сохраненное Геродотом и Аррианом⁸⁷. Известия о многочисленности византийских войск при Никифоре Фоке (400 тыс. человек — р. 56.7 и 57.2) резко противоречат данным многочисленных авторов современных трактатов по военному делу⁸⁸ и, по-видимому, восходят к известиям ранневизантийских писателей. Зато сообщая о большом походе Иоанна Цимисхия, Лев Диакон приводит совершенно иные цифры: он насчитывает всего лишь 15 тыс. гоплитов и 13 тыс. всадников, помимо обоза и арьергарда (р. 132.19).

Повествование и самый язык Льва Диакона испорчены стремлением к торжественности, вырождающейся в пустую напыщенность. Его рассказ в духе Агафия Миринейского пересыпан вымышленными речами действующих лиц, занимающими чуть ли не шестую часть всего текста⁸⁹, и изобилует пространными посланиями, быть может, столь же вымышленными. Лев Диакон уснащает речь вычурными описаниями природы (р. 51.6; 95.20 и др.), неожиданными сравнениями (р. 37.8; 60.12). Он избегает живой народной речи, зато любит употреблять редкие слова: например, вместо простого слова *ἀδελφός* он употребляет описательные выражения *ὄνυχος* или *ὄραϊμὼν*⁹⁰.

Традиционные средневековые представления определяют мировоззрение Льва Диакона⁹¹: он восхваляет христианский аскетизм и верит

⁸⁴ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 144.

⁸⁵ Многочисленные примеры см. в комментарии Б. Газе и в указанной статье М. Я. Сюзюмова. Ср. также П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 50.

⁸⁶ Критические замечания относительно достоверности известий Льва Диакона о Руси см. также: V. G r e s u. La valeur littéraire de oeuvres historiques byzantines. BS, vol. 13, 1952/53, p. 252 sq.; Gy. M o r a v c s i k. Zum Bericht des Leon Diaconus über den Glauben an die Dienstleistung im Jenseits. «Studia antiqua A. Salač septuagenario oblata». Praga, 1955, S. 75.

⁸⁷ А р р и а н. Обезд Эвксинского понта, § 27 (ВДИ, 1948, № 1, стр. 271).

⁸⁸ А. П. Каждан. Византийская армия в IX—X веках. «УЗ Великолук. пед. ин-та», 1954, стр. 23 и сл.

⁸⁹ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 145.

⁹⁰ L e o D i a c o n, p. 24.9; 45.20 и др. См. предисловие Б. Газе (р. XIX). К этому следует добавить, что слово *ὄραϊμὼν* употребляет Скилица (II, р. 349.7) в месте, восходящем к источнику В.

⁹¹ Ср. П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 39.

в чудеса; падающая звезда, по его мнению, предвещает гибель войска (р. 172. 6). Эту мысль он подкрепляет примерами, начиная от Троянской войны. Особенно примечательны его воззрения на землетрясения, которое он, полемизируя с «эллинскими математиками», не хочет объяснять естественными причинами (р. 68.9). В этом отношении он отступает назад в сравнении с передовой византийской мыслью IX в.: Фотий, по сообщению хроники Псевдо-Симеона (третья редакция хроники Симеона Логофета), утверждал, что «землетрясения вызываются не обилием [наших] грехов, но избытком воды»⁹².

Некоторые писатели IX—X вв. пришли к выводу, что историческое развитие общества не следует объяснять божественным промыслом, что оно определяется волей самих людей и даже их материальными потребностями. Тот же Фотий писал: «Ты слеп и глуп и спишь глубоким сном..., если не понимаешь того положения, что господь наш и спаситель не предопределил типов государства и их устройства. Ясно ведь, что люди обладают достаточным опытом для этого (т. е. для устройства государства. — А. К.)»⁹³. Ученик Фотия Николай Мистик утверждал, что бог помогает лишь тому, кто сам проявляет энергию: не бывает так, чтобы человек, не посеяв, собрал большую жатву или, не заложив прочный фундамент, построил устойчивый дом. После этого он переходит к аргументации из области истории и, рассматривая ход событий в правление Василия I и Льва VI, заявляет, что не состояние церкви, а энергия полководцев определяла удачи и неудачи Византийской империи во внешних делах⁹⁴. Еще дальше идет Продолжатель Феофана, который полагает, что испанские арабы напали на Крит потому, что страна, в которой они жили, была бедной, а население ее — густым: многочисленность жителей и нехватка продуктов принуждали их нападать на чужие земли⁹⁵.

Политические взгляды Льва Диакона (насколько вообще можно говорить о политических взглядах такого несамостоятельного автора) определялись его принадлежностью к придворным кругам: отсюда проистекает неумеренное восхваление императоров и пренебрежение к народу. Вместе с тем его политические взгляды не могли не испытать влияния, обусловленного бедственным положением империи. Современному состоянию он противопоставлял положение Византии при Никифоре II и Иоанне Цимисхию. В период обострения феодальных смут Лев Диакон мечтал о восстановлении сильной государственной власти и идеализировал могущественных императоров недавнего прошлого, совершенно не замечая не только различия их политических позиций, но и того, что они были выдвинуты феодальными группировками и их деятельность в конечном итоге предопределила те феодальные смуты, которые развернулись в первые годы правления Василия II.

Идеализация Никифора Фоки в «Истории» Льва Диакона не может считаться свидетельством широты политических взглядов автора, как предполагал М. Я. Сюзюмов. Сравнивая «Историю» Льва Диакона с источником А, он утверждал, что автор источника А с его узкими церковными взглядами не мог понять значения широкой политики Никифора Фоки, тогда как Лев Диакон стоял на государственной точке зрения⁹⁶.

⁹² Theoph. Cont. p. 673. 10. С этим утверждением прямо полемизирует Аталиат (Attaliota, p. 88.22—89.21).

⁹³ PG, t. 103, col. 625. С. При этом из послания к Захарии Антиохийскому следует, что необходимым опытом обладают лишь избранные, лишь «вожди (PG, t. 102: col. 944. А).

⁹⁴ PG, t. 111, col. 277. В.

⁹⁵ Theoph. Cont., p. 74. 5.

⁹⁶ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 131 и 158

Нам кажется, что такая оценка соотношения источника *А* и «Истории» Льва Диакона обусловлена некоторой идеализацией Никифора в работе М. Я. Сюзюмова; поэтому отрицательное отношение к этому императору в источнике *А* представляется ему узостью взглядов, а восхваление Никифора Львом Диаконом — широтой взглядов и проявлением государственных интересов. Не следует забывать и того, что идеализация Никифора была найдена Львом в уже готовом виде в источнике *Б*.

Для того чтобы выяснить соотношение Льва Диакона и источника *А* в этом вопросе, мы рассмотрим те объяснения причин падения Никифора, которые дают эти источники.

Источник *А* (в пространной версии Зонары) подробно останавливается на рассмотрении тех причин (*αἰτίαι*), которые сделали Никифора ненавистным всем византийцам (IV, р. 81.7). Он высказывает при этом вовсе не узкоцерковную точку зрения, а обнаруживает понимание общественных отношений, ибо подчеркивает, что Никифора стали ненавидеть люди всех социальных группировок: он уменьшил выдачи синклитикам, урезал права церкви, ухудшил монету, введя тетартерон, увеличил податное бремя (IV, pp. 81—83).

В отличие от этого — по тем временам довольно серьезного — рассмотрения причин падения Никифора рассуждения Льва Диакона кажутся просто наивными. По его словам, Никифор устроил военные упражнения, византийцы же, не привыкшие к виду войска, испугались блеска мечей и бросились по домам; во время паники погибло большое количество народа (р. 63.14). «Это происшествие, — с поразительной серьезностью утверждает Лев Диакон, — стало причиной ненависти Константинополя к императору» (р. 63.24). К этому Лев Диакон добавляет лишь ненавистные народу спекуляции брата императора Льва Куропалата (р. 64).

Самое бегство константинопольского населения от воинов в описании Льва Диакона, поскольку он прямо начинает с этого эпизода, остается непонятным: вряд ли толпа могла обратиться в бегство оттого, что не привыкла к виду обнаженных мечей. Иное дело версия источника *А*, где весь этот эпизод выступает как завершение целого рассказа: он предстает там лишь как последняя капля, переполнившая чашу терпения константинопольских жителей. Мы узнаем, что после ряда уличных «беспорядков», накаливших атмосферу в Константинополе, в городе разнесся слух, что император, гневаясь на плебс, хочет наказать его (IV, р. 86.17). Поэтому-то, как только засверкали мечи, народ бросился бежать.

Таким образом, сравнение оборачивается не в пользу Льва Диакона, явно не сумевшего разобраться в политических событиях своего времени.

Итак, для истории 959—976 гг. существовали по меньшей мере три современных источника:

1) источник *Б* («История Фок»), составленный незадолго до смерти Никифора II Фоки (969 г.) и выражавший интересы сторонников Фок;
2) источник *А*, который был составлен, по-видимому, позднее 985 г. и отражал интересы феодальной знати, близкой к патриарху Полиевкту и Иоанну Цимисхию;

3) «История» Льва Диакона, представляющая собой компиляцию (главным образом из источника *Б* и Агафия Миринейского) в первой половине и содержащая более или менее оригинальный материал в части, посвященной Иоанну Цимисхию.